

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-65-69

Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

КРУЖЕВНИКОВА Анна Андреевна,
канд. полит. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail a.kruzhevnikova@yandex.ru

ТАРАСОВА Марина Сергеевна,
студент, Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: tarasova-marinatarasowa@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, РОЖДЁННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ ПОСТМОРТАЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ, КАК СУБЪЕКТОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса лиц, рождённых в результате постмортальной репродукции, как субъектов наследственного права. Авторы анализируют пробелы и коллизии российского законодательства, не предусматривающего наследственных прав для детей, зачатых после смерти наследодателя с использованием криоконсервированного генетического материала. Рассматриваются ключевые проблемы: буквальное толкование ст. 1116 ГК РФ, неопределённость сроков принятия наследства, сложности установления происхождения и отсутствие унифицированного порядка выражения воли умершего на посмертное использование биоматериала. На основе анализа отечественной и зарубежной практики, а также позиции Конституционного Суда РФ, предлагаются направления законодательных изменений, включая введение временной фиксации прав, обязательное уведомление нотариуса и механизм юридической фикции для включения таких детей в круг наследников.

Ключевые слова: правовое регулирование биотехнологий, постмортальная репродукция, наследственное право, дети, зачатые после смерти наследодателя, семейное право, вспомогательные репродуктивные технологии, юридическая фикция, наследование.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГАСУ на 2026 год.

KRUZHEVNIKOVA Anna Andreevna,
cand. polite. sciences, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia

TARASOVA Marina Sergeevna,
Student, Saint Pyotrsburg State University
of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia

THE PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS BORN AS A RESULT OF POSTMORTEM REPRODUCTION AS SUBJECTS OF INHERITANCE LAW

Annotation. The article is devoted to the study of the legal status of persons born as a result of postmortem reproduction as subjects of inheritance law. The authors analyze the gaps and conflicts in Russian legislation, which does not provide for inheritance rights for children conceived after the death of the testator using cryopreserved genetic material. Key issues are examined: the literal interpretation of Art. 1116 of the Civil Code of the Russian Federation, the uncertainty of inheritance acceptance periods, the complexity of establishing origin, and the lack of a unified procedure for expressing the deceased's will regarding posthumous use of biomaterial. Based on the analysis of domestic and foreign practice, as well as the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, directions for legislative changes are proposed, including the introduction of temporary fixation of rights, mandatory notification of a notary, and a mechanism of legal fiction for including such children in the circle of heirs.

Key words: legal regulation of biotechnologies, postmortem reproduction, inheritance law, children conceived after the death of the testator, family law, assisted reproductive technologies, legal fiction, inheritance.

Вспомогательные репродуктивные технологии поставили перед правовой наукой вопросы, немыслимые ещё полвека назад. Зачатие ребёнка с использованием криоконсервированного генетического материала умершего лица — и, что принципиально для цивилистики, наследственно-правовой статус такого ребёнка — относятся к числу наиболее острых. Российское законодательство, рассчитанное на естественное зачатие, обнаруживает здесь системный пробел, масштаб которого стал очевиден после принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 11.02.2025 № 6-П по делу М.Ю. Щаниковой [1].

Статья 1116 ГК РФ допускает к наследованию лиц, «зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства». Буквальное прочтение этой нормы, восходящей к римскому *nasciturus pro iam nato habetur*, исключает из круга наследников детей, зачатых уже после смерти. Между тем практика криоконсервации, распространённая в том числе среди семей военнослужащих, делает подобные случаи отнюдь не единичными. Алейникова В.В. характеризует эту ситуацию как столкновение «архаичной модели наследственного статуса nasciturus» с постгенотипической медицинской реальностью [2, с. 138].

Цель статьи — проанализировать правовой статус лиц, рождённых в результате постмортальной репродукции, в контексте действующего наследственного законодательства России, выявить коллизии и предложить пути их разрешения с учётом зарубежного опыта и позиции Конституционного Суда.

Фабула дела, послужившего основанием для обращения в Конституционный Суд, достаточно известна. В 2016 году Мария Щаникова криоконсервировала половые клетки супруга, скончавшегося в том же году. Рождение близнецов посредством ЭКО произошло спустя более 300 дней после смерти — то есть за пределами презумпции отцовства по п. 2 ст. 48 Семейного

кодекса РФ. Отцовство установили в судебном порядке, однако пенсионный орган отказал в назначении пенсии по потере кормильца: дети, по его логике, не находились и не могли находиться на иждивении покойного [1].

Конституционный Суд признал положения частей 1 и 3 статьи 10 ФЗ «О страховых пенсиях» неконституционными в той мере, в какой они лишают «постмортальных» детей права на пенсионное обеспечение. Суд зафиксировал, что законодатель «принципиально не выразил легального отношения» к постмортальной репродукции и что зачатие при постмортальной репродукции *de facto* не ограничено во времени [1]. Этот тезис представляет наибольший интерес для наследственного права: существующая конструкция сроков принятия наследства утрачивает работоспособность. Кондрашев А.А. подчёркивает, что постановление далеко выходит за рамки пенсионного спора [3].

Дроздов П. подчёркивает, что постановление порождает обязанность федерального законодателя внести изменения не только в пенсионное, но и в гражданское, семейное, медицинское законодательство [4, с. 87].

Может ли лицо, не зачатое при жизни наследодателя, быть субъектом наследственного правопреемства? Статья 17 ГК РФ связывает возникновение правоспособности с моментом рождения; статья 1116 формулирует исключение — зачатый, но ещё не родившийся ребёнок охраняется как потенциальный наследник, однако лишь при условии зачатия при жизни наследодателя.

Бурмистрова Е.В. выделяет два конкурирующих доктринальных подхода [5]. Первый, восходящий к работам Е.А. Суханова, трактует правоспособность как неотделимую от существования живого человека: эмбрион (тем более криоконсервированный) — объект, а не субъект гражданского права. Второй подход, развиваемый Молодяковым А.М. [6], предлагает рассматривать кри-

озмбрионы как потенциальных бенефициариев наследственных правоотношений — субъектов *sui generis*, нуждающихся в специальном регулировании.

Позиция Молодякова уязвима: криоконсервация гамет не тождественна наличию эмбриона. Филимонов А.А. указывает на различие между оплодотворением (получением эмбриона *in vitro*) и зачатием (наступлением беременности) [7, с. 42]: зачатие при постмортальной репродукции заведомо не может произойти при жизни наследодателя.

Саркисян В.В. рассматривает проблему через концепцию постмортальных интересов и приходит к выводу, что действующее право фактически отрицает за умершим юридически значимые репродуктивные интересы [8]. Если признать наличие у наследодателя легитимного интереса в посмертном продолжении рода, то отказ в наследственных правах его ребёнку выглядит внутренне непоследовательно.

Первая коллизия лежит на поверхности: буквальное толкование ст. 1116 ГК РФ требует зачатия «при жизни наследодателя», а при постмортальной репродукции это условие невыполнимо по определению. Бурмистрова Е.В. приходит к однозначному выводу — без изменения текста закона включение таких детей в круг наследников невозможно, поскольку наследственное право не допускает аналогии при определении круга наследников [9, с. 25].

Не менее острой является проблема сроков. Статья 1154 ГК РФ отводит на принятие наследства шесть месяцев, ст. 1166 — обязывает приостановить раздел до рождения зачатого наследника. Если криоматериал может храниться десятилетиями, потенциальный наследник способен «появиться» через 5, 10, 20 лет. Молодяков А.М. квалифицирует это как феномен «вечно лежащего наследства», блокирующего права прочих наследников [6]. Долинская В.В. добавляет, что такая неопределённость подрывает базовый принцип правовой определённости, обеспечивающий стабильность имущественного оборота [10].

Коллизия с установлением происхождения обусловлена тем, что 300-дневная презумпция отцовства (п. 2 ст. 48 СК РФ) заведомо не покрывает случаи постмортальной репродукции. Единственный путь — судебное установление отцовства. В деле Щаниковой суд установил отцовство, однако это индивидуальное решение, не создавшее общего правила [1], и каждая такая семья вынуждена проходить отдельный судебный процесс.

Проблема согласия умершего — ещё одна ключевая коллизия. Статья 55 ФЗ «Об основах

охраны здоровья граждан» требует обоюдного информированного согласия на ВРТ, но норм о посмертном использовании биоматериала не содержит. Дроздов П. фиксирует, что стандартные формы согласия при ЭКО обычно не включают пункта о постмортальном использовании [4, с. 89]. В деле Щаниковой КС учёл наличие договора с клиникой, предусматривавшего право пережившего супруга на распоряжение криоматериалом, однако такая договорная практика не унифицирована.

При использовании суррогатного материнства с криоэмбрионами число потенциальных наследников невозможно определить заранее. Молодяков А.М. указывает, что это делает невозможным обозначение криоэмбриона в завещании и ограничивает постмортальных детей статусом наследников исключительно по закону [6].

Сравнительно-правовой анализ выявляет три модели. Запретительную реализуют Германия (§ 4(1)(3) *Embryonenschutzgesetz*) и Франция (ст. L. 2141-2 *Code de la santé publique*). Характерно, что французский биоэтический закон 2021 года сохранил запрет постмортальной репродукции — Бурмистрова Е.В. называет это «нормативным парадоксом» [5]. ЕСПЧ в деле *Baret & Caballero v. France* (2023) признал такой запрет совместимым со ст. 8 Конвенции.

Разрешительно-ограничительная модель представлена Испанией: ст. 9 *Ley 14/2006* допускает постмортальную репродукцию при письменном согласии с 12-месячным лимитом, ребёнок получает полный наследственный статус. В Великобритании *Human Fertilisation and Embryology Act 1990* требует письменного согласия, однако наследственных прав постмортальные дети не получают. Либеральная модель Израиля устанавливает презумпцию согласия; допускается даже «посмертное дедовство». Алейникова В.В. подчёркивает, что израильская модель отражает специфический социокультурный контекст [2, с. 149].

В США единого подхода нет. *Uniform Probate Code* (§ 2-120) требует согласия и устанавливает временные пределы: эмбрион — *in utero* не позднее 36 месяцев, рождение — не позднее 45 месяцев после смерти. Нормы штатов существенно расходятся: от двухлетнего срока в Калифорнии до полного отказа в наследственных правах во Флориде.

Российская практика по данной категории дел крайне скудна, но демонстрирует определённый вектор. Помимо дела Щаниковой, Химкинский городской суд (декабрь 2024) обязал Социальный фонд назначить пенсию по потере кормильца ребёнку, рождённому почти через год после смерти отца [1]. Суд г. Уфы (2024–2025) обя-

зал клинику провести ЭКО вдове с использованием биоматериала погибшего мужа.

Зарубежная практика богаче. Французское дело *Parpalaix c. CECOS* (1984) сформировало доктрину «намерения донора». В США ключевым остаётся *Woodward v. Commissioner of Social Security* (2002, Массачусетс) с трёхступенчатым тестом: генетическое родство, согласие умершего, соблюдение временных пределов. Британские дела *Jennings v. HFEA* [2022] и *EF v. HFEA* [2024] обозначили сдвиг от формального к содержательному пониманию согласия — что Бурмистрова Е.В. расценивает как принципиальный поворот [9, с. 26].

Постановление КС РФ № 6-П создаёт для законодателя обязанность. Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд предложений.

Статью 1116 ГК РФ необходимо дополнить нормой, допускающей к наследованию ребёнка наследодателя, зачатого после его смерти при соблюдении установленных условий. Кондрашев А.А. настаивает на одновременном внесении изменений в ГК РФ, Семейный кодекс, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и ФЗ «О страховых пенсиях» [3].

Параллельно требуется установить жёсткий временной лимит. Молодяков А.М. предлагает однолетний срок [6], Бурмистрова Е.В. склоняется к двухлетнему [5]. Компромиссным представляется срок не более двух лет с момента смерти наследодателя с возможностью однократного судебного продления.

Центральный элемент реформы — нормативное закрепление форм выражения воли наследодателя на посмертное использование генетического материала. Кондрашев А.А. предлагает закрытый перечень: нотариально удостоверенное заявление, условие в завещании, информированное согласие в медицинской организации [3]. Требование к форме должно быть строгим, но разумным — британский опыт (дела *Blood, Jennings*), служит предостережением.

Молодяков А.М. предлагает обязать пережившего супруга уведомить нотариуса, ведущего наследственное дело, о наличии криоматериала и о намерении его использовать [6]. Такой механизм обеспечит баланс между правами будущего ребёнка и законными интересами иных наследников. Без подобного уведомления остальные наследники рискуют столкнуться с появлением нового правопреемника уже после раздела имущества, что чревато оспариванием ранее совершённых сделок.

Инструментом включения постмортальных детей в число наследников могла бы стать юридическая фикция — по аналогии с фикцией правоспособности nasciturus (ст. 1116 ГК РФ). Ребёнок, рождённый в установленный срок при дока-

занном согласии наследодателя, считался бы зачатым при его жизни для целей наследования. Конструкция фикции должна сопровождаться механизмом защиты прав добросовестных наследников — через институт дополнительного раздела наследственного имущества (ст. 1165 ГК РФ).

Постмортальная репродукция поставила перед российским правом задачу, которую невозможно решить интерпретацией действующих норм. Постановление КС РФ от 11.02.2025 № 6-П перевело проблему в плоскость законодательного императива.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует: наиболее сбалансированной является испанская модель, сочетающая требование письменного согласия, временной лимит и полное признание наследственных прав. Реформа предполагает одновременное изменение ГК РФ, Семейного кодекса, законодательства об охране здоровья и о страховых пенсиях — с установлением единой системы условий: письменное согласие наследодателя, жёсткий временной лимит, обязательное уведомление нотариуса и механизм юридической фикции для включения постмортальных детей в круг наследников по закону. Промедление с принятием таких изменений лишь усилит правовую неопределённость в отношениях, затрагивающих наиболее уязвимых участников — детей.

Список литературы:

- [1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Российская газета. 2025. 26 февраля.
- [2] Алейникова В.В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чём вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137–157.
- [3] Кондрашев А.А. Постмортальное применение репродуктивных технологий в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 31–36.
- [4] Дроздов, П. П. Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей / П. П. Дроздов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 4(84). – С. 243–250. – DOI 10.26456/vtpravo/2025.4.243.
- [5] Бурмистрова Е.В. Особенности правового регулирования посмертных репродуктивных программ в России // Современное право. 2024. № 4. С. 56–62.

[6] Молодяков, А. М. Правовое регулирование постмортальной репродукции в России: аспекты наследственных прав / А. М. Молодяков // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 1(82). – С. 370-376.

[7] Филимонов А.А. Основные правовые проблемы постмортальной репродукции в РФ // Гражданское право. 2023. № 4. С. 40–44.

[8] Саркисян В.В. Постмортемные интересы: правовые основы и виды // Наследственное право. 2024. № 4. С. 18–23.

[9] Бурмистрова Е.В. Особенности наследования детьми, зачатыми и рождёнными в результате реализации посмертных репродуктивных программ // Юридический мир. 2024. № 9. С. 24–27.

[10] Долинская В.В. Специфика правового статуса несовершеннолетних как наследников // Цивилист. 2024. № 4. С. 33–39.

[11] Бурмистрова Е.В. Сроки реализации посмертной репродукции в Российской Федерации // Материалы LVIII международной научно-практической конференции «Российская наука в современном мире». М., 2023. С. 44–48.

[12] Шелютто М.Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Т. 2. № 4. С. 56–63.

References:

[1] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M.Yu. Shchanikova “// Rossiyskaya Gazeta. 2025. February 26.

[2] Aleinikova V.V. Postmortal children in family and hereditary law: “To be or not to be, that’s the question...” “//Law. 2023. № 4. S. 137-157.

[3] Kondrashev A.A. Postmortal application of reproductive technologies in Russia//State power and local self-government. 2025. № 11. S. 31-36.

[4] Drozdov, P.P. Legal regulation of posthumous reproduction: the status of the embryo and the limits of the will of potential parents/P.P. Drozdov// Bulletin of Tver State University. Series: Right. – 2025. – № 4(84). – S. 243-250. – DOI 10.26456/vtpravo/2025.4.243.

[5] E.V. Burmistrova. Features of legal regulation of posthumous reproductive programs in Russia//Modern law. 2024. № 4. S. 56-62.

[6] Molodyakov, A. M. Legal regulation of postmortal reproduction in Russia: aspects of hereditary rights/A. M. Molodyakov//Bulletin of Science. – 2025. – Т. 3, NO. 1 (82). – S. 370-376.

[7] Filimonov A.A. The main legal problems of postmortal reproduction in the Russian Federation// Civil law. 2023. № 4. S. 40-44.

[8] Sargsyan V.V. Post-mortem interests: legal foundations and types//Hereditary law. 2024. № 4. S. 18-23.

[9] E.V. Burmistrova. Peculiarities of inheritance by children conceived and born as a result of the implementation of posthumous reproductive programs//Legal World. 2024. № 9. S. 24-27.

[10] Dolinskaya V.V. Specifics of the legal status of minors as heirs//Civilist. 2024. № 4. S. 33-39.

[11] E.V. Burmistrova. Terms of implementation of posthumous reproduction in the Russian Federation//Materials of the LVIII International Scientific and Practical Conference “Russian Science in the Modern World.” M., 2023. S. 44-48.

[12] Shelutto ML Children conceived after the death of a parent: establishment of origin and hereditary rights//Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2016. VOL. 2. № 4. S. 56-63.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.